

Деятельность по развитию и совершенствованию всей системы масово-политической работы среди транспортников в 1970-е и последующие годы была подчинена главной цели – повышению трудовой и политической активности людей, их идейно-нравственному и духовному росту в частности, сохранению исторической памяти в целом.

На предприятиях агитаторы вели воспитательную работу повседневно на тех участках, где трудились сами, ориентируясь на конкретную группу лиц. Они призывали проявлять производственников инициативу, говорили о нерешенных вопросах, помогали формировать у товарищей правильное понимание возникавших проблем, побуждали к конкретным действиям, обращали внимание на памятные исторические события.

Список литературы:

1. Леоновец, А. Агитпоезд в пути / А. Леоновец // Агитатор. – 1976. – № 19. – С. 41.
2. Козловский, Э. Рабочий получил премию / Э. Козловский // Политинформатор и агитатор. – 1974. – № 22. – С. 29 – 32.
3. Сергиенко, Н. Выставка на колесах / Н. Сергиенко // Железнодорожник Белоруссии. – 1977. – 14 июля. – С. 3.
4. Капто, А. Совершенствовать политическое информирование / А. Капто // Агитатор. – 1976. – № 1. – С. 35 – 39.

Шепелева В.Б.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ ПОСТНЕКЛАССИКИ

Ключевые слова: историческая память, культурный код, синергетика, постнеклассика, Вызов времени, эпоха осознанной необходимости, «иначе возможное».

Историческая память может быть определена, на наш взгляд, как духовная субстанция, объёмно и многовекторно пронизывающая, скрепляющая и возводящая, обращающая атомы населения в личность народа, этноса. И это через весь исторический путь человечества. Не случайно Л.Н. Гумилёв настаивал: антропосфера есть этносфера – и не иначе [1, с. 38–40, 58, 66, 385–400; 2, с. 24, 42]. Историческая память здесь – основа этнического самосознания.

Между тем новейшая познавательная парадигма – постнеклассика, опирающаяся на картину мира как иерархию сложноорганизованных нелинейных систем, в ряду которых как особо сложные – человеческие сообщества, обнаруживает для этих систем ряд сквозных существенных параметров. Прежде всего – так называемые «внутренние тенденции развития», предопределяющие пути развития таких систем, что как некое «правило запрета» противостоит попыткам навязывания этим системам иных вариантов движения. Управляющие воздействия, игнорирующие «внутренние тенденции развития», оборачиваются или растратой понапрасну

энергии, сил воздействующих, при том что сама система, преодолевая эти воздействия, прокладывает всё-таки адекватную себе дорогу; или же подобные интенсивные усилия могут привести к «заболеванию», в пределе – к разрушению нелинейной системы. Зато управляющие воздействия, резонансные «внутренним тенденциям развития» работают на успешное восходящее её развитие [10, с. 46–49, 59–82; 11].

С чем сопоставимы «внутренние тенденции развития» в варианте обращения к социуму? «Дух», «идея», «мечта», «свадхарма» или «что задумал Бог о нас в вечности» - в той или иной степени эти интуиции, ощущения и представления, видимо, факт от начала начал и через всю историю народов. Квинтэссенция идеалов, ценностных ориентиров, важнейших социо-нормативных установок, отфильтрованных исторической памятью этноса/народа/нации, пожалуй, наиболее адекватно передаются формулами «культурный/цивилизационный код», этническая ментальность. Глубокая проработанность историко-этноментального подхода представлена в российской гуманитарной практике – особенно в рамках религиозной философии конца XIX–XXв., литературы, В.О. Ключевским и одновременно – усилиями «естественников» Н.Я. Данилевского, по-своему Л. Мечникова. [13. 14, гл. 2]. На излёте советской эпохи и современности обстоятельное толкование понятия «культурный код», причём объективно глубоко комплиментарное постнеклассике, предложил философ К.М. Кантор: культурный код – явление более глубоких онтологических основ общества, нежели экономические основания его; есть культурный код – есть народ, разрушение ядра культурного кода означает ликвидацию народа как коллективной личности.[3, с. 5–16, 22–23, 75]. Последнее же, добавим, равносильно преступлению, у которого нет срока давности и которое радикально противоречит синергетическим «правилам порядка» (как и «правилам запрета») – фактически законам бытия.

Однако неумолимые тенденции глобализации, с крушением СССР – Второго мира развернувшиеся однозначно «по-атлантистски», в алгоритме американского «сверхимпериализма» (М. Хадсон) и всё более посредством надправительственных, наднациональных структур, целенаправленно бьют именно по этим «правилам порядка» и «правилам запрета», обозначив неслыханное, казалось бы, после «Всеобщей декларации прав человека» 1948 г. – появление категории «нерентабельных народов» [9, с. 15, 18, 37–63, 136–56, 157–178; 7, с. 208–236; 8]. Это циничнее, inferнальнее гитлеровского нацизма, при том что колонны правозащитников хранят по этому поводу «буддийское спокойствие».

Между тем, если исходить из «внутренних тенденций развития» Сверхсистемы – человечества, то есть – из историософского измерения исторического процесса (из требований «онтологического кода истории»), то обнаруживается, что острейший Вызов времени XX–XXI в. – это требования эпохи осознанной необходимости (марксизм), «совершеннолетия че-

ловечества» (русская философия) [12, с. 71–73, 535, 540–541]. Человек, народ, планетарное сообщество должны - обязаны выходить на личностный уровень бытия, иначе – просто небытие, в конечном счёте – всеобщее. Но этот прорыв – здесь требуется, как настаивал ещё на рубеже XIX–XX вв. русский философ-космист, «прийти в себя» – прийти в самосознание, прежде всего – к «культурно-кодовой» самоидентификации [12]. То есть речь о самом радикальном антагонизме нынешнего Вызова времени и господствующих сегодня (при всех оговорках) процессов глобализации.

И не случайно ныне русские «нелинейщики» – математики, физики напрямую обращаются к гуманитариям, полагая, что новые «сверхзадачи», способные, во-первых, качественно продвинуть вперед науку, а во-вторых, тем самым способствующие подготовке адекватного ответа на всё более жёсткий Вызов времени, в состоянии сформулировать «науки о человеке», и в первую очередь – именно *история*. «Масштабы ожидаемых перемен слишком велики... Тут свое слово должны сказать междисциплинарные подходы и... *теоретическая история*», которая «ставит *историю* в центр наук». Причём, «чем позже человечество возьмёт на себя ответственность за свою историю, тем уже будет коридор доступных ему возможностей», – предупреждают они, до изумления точно перекликаясь с предупреждениями философа «Общего Дела» [4, с. 65, 73–75].

Сегодня усилиями синергетики в постнеклассику вошёл принцип историзма как фундаментальный параметр бытия объективной реальности - история завершила процесс восстановления своих прав в мире наук. «Современное обобщённое основное кинетическое уравнение содержит эффекты *памяти*», синергетика позволяет акцентировать внимание на «целях» – на том, «что заложено и затем развёртывается», т. е. на неких кодах нелинейных систем [10, с. 46–49; 12, с. 3–6, 9, 11, 16–31]. Произошло фактически раскрытие на новом уровне научных знаний марксистского тезиса, гласящего: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории...» [5]. Человеку-человечеству осталось только самораскрыться как явлению разумному, Истино-Благо-Прекрасно-духовному: вернуть себе свою человеческую сущность, притом что иное – окончательная катастрофа, растворение во Тьме. И очень знаково звучит сегодня признание бывшего диссидента философа А.С. Панарина о том, что советская эпоха – это, оказывается, и есть «иначе возможное» относительно нынешнего мира апостасийности [7, с. 135–189].

Список литературы:

1. Гумилёв, Л.Н. Конец и вновь начало / Л.Н. Гумилёв // Свод № 2. – М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. – 542 с.
2. Гумилёв, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. / Л.Н. Гумилёв. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 526 с.
3. Кантор, К.М. История против прогресса (опыт культурно-исторической генетики) / К.М. Кантор. – М., 1992. – 147 с.

4. Капица, С.П. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 283 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 10.
6. Мечников, Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников. – М.: «Пангея», 1995.
7. Панарин, А.С. Народ без элиты / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 352 с.
8. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.
9. Постиндустриальный мир и Россия. – М., 2001. – 614 с.
10. Пригожин, И. Время, хаос, квант: к решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 239 с.
11. Пригожин, И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 310 с.
12. Федоров, Н.Ф. Сочинения / Н.Ф. Федоров. – Т. 85. – М., 1982. – 711 с.
13. Шепелева, В.Б. Синергетика и проблемы исторического познания / В.Б. Шепелева // Историческое знание и интеллектуальная культура: матер. науч. конф., Москва, 4–6 декабря 2001 г. – М.: ИВИ РАН, 2001. – С. 20–24.
14. Шепелева, В.Б. Россия 1917-1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии): монография / В.Б. Шепелева. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009. – 704 с.